

неоднозначных условиях их динамического развития испытывает дисфункциональные «расстройства». Последовательный анализ основных этапов становления понятия онтологической безопасности личности – от психологических концепции страхов Р. Мэя и Р. Лэйнга до комплексной теории структуризации Э. Гидденса – дал возможность сделать вывод о противоречивости влияния цивилизационных процессов как таковых, что, создавая комфортные условия человеческого существования, одновременно приводят к экзистенциальным проблемам, а также доказательство актуальности комплексного исследования основных факторов становления и функционирования онтологической безопасности личности.

Ключевые слова: страх, риски, онтологическая безопасность личности, структура, индивид, структуризация.

Durmanenko Alexander. The Formation of the Personality Ontological Safety Concept. The article deals with the importance of the research devoted to the complex of personality social safety as a complicated structural component providing an individual's adequate outlook and activities. The emphasis of the research attention is placed on the processes of personality ontological safety functioning, which undergoes dysfunctional «disorders» in modern ambiguous conditions of the social processes dynamic flow. The main task of the article is the sequential analysis of the principal stages of the formation of the personality ontological safety concept starting with psychological conception of fears introduced by R. May and R. Leing up to a complex theory of structuration by A. Giddens in which the «personality ontological safety» concept is a complex responsible for calculation of fears and world constructing basis. Among the conclusions of the article are the following: thesis about inconsistency influence of civilization processes providing more comfortable living conditions and simultaneously leading to existential problems, and proofs of the topicality of the complex research of the main factors of personality ontological safety, its formation, functioning and highlighting.

Key words: fear, risks, personal ontological safety, structure, structuration, individual.

УДК 316.72

Дмитрий Миронович

Религиозный капитал: теоретические подходы и особенности операционализации

В статье рассматриваются основные положения концепции религиозного капитала и теории рационального выбора. Заимствуя экономическую перспективу и терминологию, авторы теории рационального выбора Л. Ианнаконе, Р. Старк и Р. Финк развивают новый подход к анализу религиозного участия. Рассмотрение религиозного участия и практик в русле инструментальной рациональности отличается от существующих в рамках теории секуляризации представлений о религиозном сознании и поведении как о иррациональном, или, по крайней мере, нерациональном. Предложенный подход позволяет объяснить закономерности конфессиональной мобильности, межрелигиозных браков, изменения религиозной принадлежности.

Ключевые слова: религия, религиозный капитал, религиозное участие, теория рационального выбора, религиозный рынок.

Постановка научной проблемы и её значение. Распространение в последние десятилетия понятия «капитал» в социальных науках в различных его вариациях – «социальный капитал», «капитал доверия», «религиозный капитал» – можно рассматривать как пример удачной эпистемической экономической интервенции в социологию. Перенос объяснительных моделей из экономики в социологию с последующим использованием конечного словаря экономики для описания феноменов, традиционно относимых к ведению социологии, стало возможным после выхода в свет книги Г. Беккера «Человеческий капитал» [1]. Хотя основной вклад в популяризацию идеи человеческого капитала был внесен Т. Шульцем [2], разработка микроэкономических оснований этой теории была предложена в работе Г. Беккера. Сформулированная в ней модель стала основой для всех последующих исследований в данной области.

Человеческий капитал – это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление соответствующего профессионального опыта, мобильность, поиск информации. Собственно, отправным пунктом для Г. Беккера при рассмотрении

феномена человеческого капитала стало представление о принципиальной рациональности человеческого поведения. Рациональность подразумевает, что оно ориентировано на получение наилучших из возможных результатов. Отталкиваясь от данного представления, Г. Беккер значительно расширил рамки неоклассической экономической теории, «язык» которой использовался им как универсальный язык описания человеческого поведения. Такие её ключевые понятия, как затраты, цена, издержки, стали все активнее использоваться при рассмотрении самых разнообразных аспектов человеческой деятельности, включая и те, которые традиционно находились в ведении других социальных дисциплин. Дальнейшее увлечение понятием «капитал» в социологии привело к возникновению таких терминов, как «социальный» и «культурный капитал» в работах Р. Патнема [3], Дж. Коулмена [4], П. Бурдьё [5] и др. Здесь стоит уточнить, что концепция религиозного капитала, как и ряд других концепций (теория рационального выбора, теория секуляризации и др.), является базовой теоретической засадой данного исследования. Соответственно, наработки составляют **анализ последних исследований и публикаций** (с учётом теоретической операционализации они будут более детально проанализированы в части изложения основного материала статьи).

Концепция религиозного капитала стала попыткой имплементации содержательной стороны понятий человеческого и социального капитала как совокупности социальных связей, неформальных практик и культурных норм в религиозную сферу. В перспективе экономического подхода поведение человека в сфере «предельных смыслов», также обусловлено принципом максимизации выгод и минимизации затрат. Проблема, связанная с формированием нового подхода, состояла в том, что рассмотрение религиозного участия и практик в русле инструментальной рациональности входило в противоречие с существовавшими в контексте теории секуляризации представлениями о религиозном сознании как о иррациональном, или, по крайней мере, нерациональном.

Именно экономическая перспектива, а также увлечение статистическими методами анализа во многом инициировали в 1970–1980-х гг. разработку многомерных измерительных моделей религиозности в рамках количественных подходов, с последующим доминированием последних в социологии религии. Последующее распространение мониторинговых, а также кросс-национальных сравнительных социологических исследований в той части, которая посвящена изучению религиозной сферы современных обществ, продемонстрировали тенденцию к сохранению отмеченного подхода. Часто положения теории рационального выбора, а также связанные с ней концепции и модели имплицитно используются при разработке исследовательского инструментария и последующей интерпретации полученных данных.

Таким образом, **целью** данной статьи выступает экспликация основных положений теории рационального выбора в контексте изучению религиозного участия, а также рассмотрение эвристического потенциала и особенностей операционализации используемых в её рамках понятий, с акцентом на концепции религиозного капитала.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Использование экономического языка и соответствующих моделей объяснения с заимствованием идеи рационального «homo economicus» при рассмотрении религиозного поведения и практик ознаменовали формирование нового подхода в рамках социологии религии. Дальнейшее оформление данный подход получил в работе Р. Старка и В. Бейнбриджа «Теория религии» [6], где в рамках теории рационального выбора авторами используется метафора рынка как своеобразная оптика и перспектива, организующая взгляд исследователя при рассмотрении функционирования религиозной сферы.

В соответствии с теорией рационального выбора, религиозный рынок выстраивается вокруг производства и обмена товаров, в качестве которых выступают т. н. религиозные «компенсаторы»: обещания будущего воздаяния, сверхъестественные объяснения биографических событий и их значений. Подобно другим товарам, религиозные также производятся, выбираются и потребляются. Религиозные организации предстают фирмами, производящими и предлагающими на рынке свою продукцию. Невозможность верифицировать или каким-то образом доказать эффективность сверхъестественных «компенсаторов» и соответствующих им объяснений, помещает религиозные товары в группу подверженных риску «инвестиций» [7, 56].

Религиозные организации ограничены ассортиментом предлагаемых товаров, и только те из них, организационная структура которых имеет гибкий горизонтальный принцип построения (например

протестантские или неопротестантские организации), более эффективны в условиях религиозного плюрализма. Заимствование реальных рыночных механизмов и их имплементация в религиозную деятельность позволяет данным организациям сохранять конкурентоспособность и поддерживать достаточно широкое разнообразие религиозной продукции.

В то время как теория секуляризации говорит о том, что современность, благодаря процессу модернизации, сокращает спрос на религию, теория рационального выбора, напротив, отстаивает идею, что структура религиозного рынка способна изменить религиозно-экономическое предложение, что, в свою очередь, напрямую связано с проблемой регуляции религиозной экономики. Во-первых, чем менее она регулируется, тем более имеет тенденцию к тому, чтобы быть плюралистичной. Во-вторых, как только религиозная организация становится монополией, она старается распространить свое влияние на другие институты, вследствие чего общество сакрализуется. В-третьих, если прежде регулируемая религиозная экономика становится нерегулируемой, общество десакрализуется. В этой ситуации образуется множество религиозных фирм, ни одна из которых не в состоянии поддержать процесс сакрализации; по ряду причин не может этого сделать и коалиция фирм. Теория рационального выбора утверждает, что в такой ситуации будет наблюдаться увеличение личной религиозности как раз из-за увеличения числа религиозных фирм. И хотя религиозные монополии эффективно наполняют общество религиозными товарами, они не в состоянии увеличить личную религиозность. Вместе с тем, религиозный рынок обладает точкой насыщения, по достижении которой дополнительные альтернативы не увеличивают степень религиозности. В-четвертых, чем религиозная экономика менее регулируется, и чем она более плюралистична, тем более религиозным будет общество в целом. В-пятых, даже в условиях ограниченной конкуренции, религиозные организации способны демонстрировать высокий уровень активности в том случае, если они выступают в качестве носителей групповой религиозной идентичности (как вариант, в условиях межрелигиозного или межэтнического конфликта) [8].

В контексте рассматриваемой теории значимую роль играет и концепция «религиозного капитала», предложенная Л. Ианнаконе [9]. Существенное влияние на её формирование оказали работы П. Бурдьё, а именно, его исследования символического и культурного капиталов. Как отмечает французский социолог, «сакральное становится капиталом, который актёр может использовать для того, чтобы выстраивать или создавать различия между ним (актёром) и другими, обеспечивать лучшую интеграцию, а также более высокий статус в социальном поле» [10, 54]. Культурный капитал рассматривается как своеобразная символическая «собственность» и соответствующий культурный бэкграунд индивидов, который сигнализирует о принадлежности к статусной группе, к определённому слою общества, в который вы должны быть допущены, чтобы получить доступ к наиболее ценным социальным ресурсам. Схожие религиозные установки облегчают эффективное использование капитала и увеличивают религиозное производство.

В соответствии с концепцией Л. Ианнаконе, религиозное участие приводит к формированию определённого объёма религиозного капитала как «совокупности навыков и опыта, характерных для той или иной религии, включающие религиозные знания, знакомство с религиозными практиками и теологическими доктринами, а также отношения дружбы и доверия между членами данной религиозной группы» [11, 156–177]. Для осознания своей принадлежности к той или иной религиозной группе требуется определённый уровень вовлеченности в её деятельность и внутренний религиозный опыт, содержащийся в индивидуальной биографии. Вместе – вовлеченность, объём знаний, и эмоциональная привязанность – становятся теми инвестициями, которые в течении времени конституируют религиозный капитал.

Как и в экономике, в религиозной сфере концепция человеческого капитала выступает в качестве теоретической рамки, обладающей, по мнению её авторов, мощным объяснительным потенциалом. В своей работе Л. Ианнаконе предлагает операциональные характеристики и ряд гипотез, касающихся межконфессиональной мобильности, кросс-конфессиональных браков, феномена религиозного обращения и участия.

Религиозный капитал, как и культурный, довольно устойчив и слабо поддаётся изменениям. Данная особенность обуславливает определённые ограничения или делает маловероятной возможность изменения религиозной принадлежности.

Религиозная социализация, в отличие от общего образования и профессиональной подготовки, реализуется непосредственно на уровне института семьи и тех религиозных организаций, с которыми члены семьи себя идентифицируют. Таким образом, более вероятно, что дети будут оставаться в пределах родительской конфессии, поскольку детский религиозный капитал конституируется в контексте капиталов родителей¹. Те религиозные группы, которые предъявляют более жесткие требования к своим последователям, требуют и большего объема религиозных «инвестиций» (финансовых, эмоциональных, участия и т. д.). В результате, если все-таки происходит смена религиозной группы, то данный переход не влечёт за собой радикальных изменений в доктринальном плане. Новая религиозная группа будет походить на старую, поскольку в ней останется возможность использовать ранее приобретенный и накопленный капитал². Частота переходов между определённым религиозным группам будет тем большей, чем большим является сходство в доктринальном и вероучительном плане между ними.

Следующая группа гипотез в рамках рассматриваемой концепции посвящена феномену религиозного «обращения». В широком смысле, «обращение» рассматривается как процесс перехода и принятия определённой религиозной традиции, сопровождаемый интенсивными переживаниями и субъективно осознаваемый как нахождение религиозной «истины» [12, 259–289]. Классическим можно считать определение религиозной конверсии, предложенное Р. Трависано [13, 594]. Под религиозным «обращением» рассматривается принятие новой для индивида религиозной идентичности, сопровождающееся изменением его образа жизни, благодаря привнесению в сферу повседневности новых религиозных практик.

В контексте концепции религиозного капитала «обращение» рассматривается не столько как когнитивный процесс, связанный с эмоциональными переживаниями, а скорее как стремлением соответствовать ближайшему социальному окружению или значимым другим, т. е. процесс вполне рациональный. Опять же при обращении выбор в пользу определённой религиозной группы будет обусловлен поиском механизмов, которые бы позволили существенно не изменять объём религиозного капитала. Чем большим объёмом религиозного капитала обладает индивид, тем менее вероятным является его обращение в новую религию. В данном контексте, более вероятным будет обращение молодых людей, обладающих меньшим объёмом религиозного капитала, нежели людей пожилого возраста. В дальнейшем Р. Старк и Р. Финк (на результатах анализа случаев обращения в среде американских неорелигиозных групп – Свидетелей Иеговы и Мормонов) предположили, что в большинстве случаев выбор в пользу определённой религиозной группы обусловлен не столько привлекательностью идеологии группы, а скорее той ролью, которую играют межличностные связи между членами группы и потенциальными новообращёнными.

Также как дети склонны оставаться в рамках религиозной традиции своих родителей, выбор партнёра для брака определяется его (партнёра) конфессиональной принадлежностью, отмечает Л. Ианнаконе. Пары с различными религиозными предпочтениями в меньшей степени способны к совместному производству религиозного капитала [14]. Соответственно, тот из партнёров, который обладает меньшим объёмом религиозного капитала, в последствии будет склонен поменять религиозную принадлежность на принадлежность супруга / супруги. Исследования, приведённые среди американских супружеских пар, продемонстрировали более высокий уровень разводов именно в межконфессиональных браках. Также, в соответствии с данными эмпирических исследований, частота посещения религиозных служб среди пар, принадлежащих к одной конфессии, была выше, нежели у межконфессиональных пар.

Проводимые на протяжении 1970–1980-х годов в США и Канаде исследования, продемонстрировали устойчивую тенденцию в стремлении сохранить конфессиональную и религиозную принадлежность (наличный объём религиозного капитала) при выборе брачного партнёра. В

¹ Как вариант, в ряде исследований в качестве индикатора при рассмотрении межконфессиональной мобильности используются вопросы о религиозной принадлежности респондента в детском возрасте (12–14 лет) и в момент проведения опроса.

² В качестве примера, может выступать переход из православной традиции в протестантизм, встречающийся в украинском обществе. Часто, подобный переход не рассматривается новообращёнными как смена религиозной традиции и, соответственно, не влечёт, по их мнению, существенных изменений в объёме их индивидуального религиозного капитала.

результате был составлен своеобразный рейтинг деноминаций, где в качестве критерия выступал уровень эндогамии внутри религиозных групп. По убыванию данный рейтинг выглядел следующим образом: 1) иудеи; 2) меннониты; 3) греческая православная церковь, УГКЦ, пятидесятники; 4) католики, баптисты, пресвитериане, лютеране; 5) англикане. Очевидно, что чем более жёсткие требования предъявляет та или иная религиозная группа своим последователям, чем более она эксклюзивна, тем большей является склонность к эндогамии. В целом, условно исследователями были выделены следующие пары групп, границы между которыми оставались практически непроницаемыми при выборе брачного партнёра: 1) иудаизм vs. христианство; 2) католицизм vs. протестантизм; 3) либерализм vs. консерватизм доктринальных положений; 4) низкий vs. высокий уровень ритуальных правил и запретов [15].

Продолжая использовать экономический подход при анализе особенностей религиозного участия, Л. Ианнаконе заимствует из микроэкономики концепцию «замещения ресурсов». Под «замещением ресурсов» подразумевается соотношение денежных и временных затрат. Практически все производственные процессы требуют либо покупных ресурсов, либо затрат труда и времени на их производство (домашние блюда и блюда из ресторана могут быть одинаково вкусными, однако первые требуют гораздо больше временных затрат, в отличие от ресторанных; газоны можно поливать вручную либо с помощью автоматизированных механизмов и т. д.). Соответственно, индивиды, имеющие высокий уровень дохода, будут стараться сэкономить своё время, компенсируя это деньгами.

При рассмотрении религиозного участия сквозь призму концепции «замещения ресурсов» можно предположить, что индивиды с высокими доходами будут реже участвовать в жизни религиозной группы, посещать службы и т. п. Вместе с тем, частота и время участия, а, соответственно, и инвестиции в индивидуальный религиозный капитал, будут компенсироваться менее трудоёмкими денежными пожертвованиями и взносами. И наоборот, чем более интенсивно религиозное участие, и чем больших временных затрат оно требует, тем ниже денежные взносы.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Теория рационального выбора и концепция религиозного капитала рассматривают религиозную сферу и участие в ней, как мало отличающиеся от соответствующего участия в сфере экономических отношений. Религиозное участие и поведение здесь также рационализировано, инструментально и прагматично. Вместе с тем, в рамках данного подхода вне фокуса исследовательского интереса оказывается смысловое, эмоциональное и ценностное наполнение религиозного поведения.

Использование концепции религиозного капитала в качестве теоретической рамки и объяснительной модели американскими исследователями продемонстрировало свою эффективность при рассмотрении вопросов конфессиональной мобильности, межрелигиозных и межконфессиональных браков, религиозного обращения, смены религиозной принадлежности. Наряду с этим, концепт религиозного капитала обладает значительным объяснительным потенциалом и в рамках менее формализованных качественных исследований, где он может выступать в качестве элемента индивидуальной религиозной биографии.

Перспективным кажется использование концепции религиозного капитала при исследованиях социальных сетей доверия, особенностей миссионерской и рекрутинговой деятельности религиозных организаций, зависимости религиозного участия от особенностей организационного построения религиозных групп etc. Наряду с этим открытым остаётся вопрос о релевантности рассмотренных теорий при их использовании в иных социокультурных контекстах, отличных от американского деноминационализма.

Источники и литература

1. Becker G. Human Capital. [Text] / G. Becker. – N.Y.; L., 1975. – 353 p.
2. T. W. Schultz and the Human-Capital Approach to Entrepreneurship [Elektronik resourse]. – Mode of access : <http://methodology.chat.ru/becker1.htm>
3. Патнам Р. Творения демократії : традиції громадської активності в сучасній Італії / Р. Патнам, Р. Леонарді, Р. Нанетті ; [пер. з англ. В. Ющенко]. – К. : Основи, 2001. – 302 с.
4. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington : The World Bank, 2000. – 242 p.
5. Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой ; Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М. : РОССПЭН, 2004. – 680 с.

6. Stark R. A Theory of Religion / R. Stark, W. S. Bainbridge. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1987.
7. Stark R. The Future of Religion: Secularization, Revival, and Cult Formation / R. Stark, W. S. Bainbridge. – Berkeley : University of California Press, 1985. – P. 56.
8. Сафронов Р. Современные социологические теории религии в США и Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.intelros.ru/pdf/religiovedcheskie_issledovaniya/1-2-2009/04.pdf
9. Iannaccone L. R. Religious practice: a human capital approach / L. R. Iannaccone // Journal for the Scientific Study of Religion – 29 (1990) [Elektronik resourse]. – Mode of access : http://csrs.nd.edu/assets/50013/religious_practice_a_human_capital_approach.pdf
10. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с франц. П. Бурдые ; отв. ред. перевода и сост. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алтея, 2007. – С. 54.
11. Iannaccone L. R. The consequences of religious market structure: Adam Smith and the economics of religion / L. R. Iannaccone // Rationality and Society. – 1991. – № 3. – P. 156–177.
12. Snow D. A. The Convert as a Social Type / Snow D. A. and Machalek R. // Sociological Theory. – [in R. Collins (Ed.)]. – San Francisco, 1983. – № 1. – P. 259–289.
13. Travisano R. V. Alternation and Conversion as Qualitatively Different Transformations R. V. Travisano // Social Psychology Through Symbolic Interaction. – [in G. P. Stone and H. A. Faberman (eds)]. – 1970. – P. 594–606.
14. Iannaccone L. R. Why strict churches are strong / L. R. Iannaccone // American Journal of Sociology. – 1994. – № 99. – P. 1180–1211.
15. Iannaccone L. R. Religious practice: a human capital approach / L. R. Iannaccone // Journal for the Scientific Study of Religion – 1990. – № 29 [Elektronik resourse]. – Mode of access : http://csrs.nd.edu/assets/50013/religious_practice_a_human_capital_approach.pdf

Миронович Дмитро. Релігійний капітал: теоретичні підходи та особливості операціоналізації. У статті розглянуто основні положення концепції релігійного капіталу та теорії раціонального вибору. Запозичуючи економічну перспективу й термінологію, автори теорії раціонального вибору Л. Іанаконне, Р. Старк і Р. Фінк, розвивають новий підхід до аналізу релігійної участі. Розгляд релігійного участі та практик у руслі інструментальної раціональності відрізняється від наявних у межах теорії секуляризації уявлень щодо релігійної свідомості як ірраціональної або, принаймні, нерациональної. Запропонований підхід дає можливість пояснювати закономірності конфесійної мобільності, міжрелігійних шлюбів, зміни релігійної приналежності тощо.

Ключові слова: релігія, релігійний капітал, релігійна участь, теорія раціонального вибору, релігійний ринок.

Myronovych Dmytro. Religious Capital: Theoretical Approaches and Features of the Operationalization.

The author considers features of conceptions of religious capital and theory of rational choice. The concept of religious capital (by L. Iannaccone, R. Stark and R. Finke) uses the economic approach and terminology to develop and test a new model of religious participation. The model explains observed patterns in denominational mobility, religious intermarriage, conversion ages, the relationships between church attendance and contributions. Throughout this paper we are discussed the sources of the religious capital approach, as it evolved from social and cultural capital to be applied specifically to religious participation and interaction. The concept of religion capital sidesteps questions related to the sense and value side of religion, it nevertheless illuminates a great many issues; denominational mobility, religious intermarriage, the timing of conversions etc.

Key words: religion, religious capital, religious participation, theory of rational choice, religious market.

УДК 316.621

Олена Мурадян

Життєві стратегії особистості в умовах соціальних змін: соціологічний аналіз

Транзитивний характер суспільства, що характеризується динамікою інституційної структури, надає важливе значення адаптаційного підходу до аналізу життєвих стратегій в умовах соціальних змін. У статті розглянуто основні підходи до вивчення життєвих стратегій особистості, їх структурних елементів. Увагу зосереджено на об'єктивних та суб'єктивних сторонах процесу побудови життєвих стратегій й методологічних особливостях їх вивчення. Життєва стратегія розуміється як засіб планування особистістю власного життя, що